

жизнь

с

молотка

Анфиса Сабит

18+

Анфиса Сабит

Жизнь с молотка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68906448

SelfPub; 2023

Аннотация

Талантливый инженер по воле обстоятельств становится вовлеченным в процедуру банкротства, где ему приходится столкнуться с людскими пороками. Алчность, непорядочность, стремление к извлечению выгоды всеми правдами и неправдами, царящие в этом бизнесе, доводят главного героя до крайней черты.

Содержание

ЖИЗНЬ С МОЛОТКА	4
ФАЛАЛЕЕВ	24
ТОРГИ	30
ПРОДАНО	34

Анфиса Сабит

Жизнь с молотка

ЖИЗНЬ С МОЛОТКА

Предыстория

В то время, когда большинство людей судорожно скупали в магазинах шампанское, горошек и кукурузу, а также товары с истекающим сроком годности, не пользующиеся спросом и упакованные в красивые подарочные коробочки и пакетики, в городской больнице города Н. пришел в себя после обширного инфаркта Игорь Матвеевич Хамутов.

Несмотря на семидесятилетний возраст и седину, и уже более чем четырехлетний период постоянного стресса и переживаний, крупные черты лица Игоря Матвеевича обрамляли волосы, которые сохранили свою густоту и пышность.

Большие серые глаза и высокий лоб выдавали в нем человека незаурядного и талантливого.

Открыв глаза, он увидел рядом с собой жену. Она была моложе на 15 лет. Утомленное бессонными ночами лицо казалось старше, впавшие глаза смотрели не него ласково и одновременно с упреком.

– Как ты нас напугал.

Хамутов несколько раз моргнул и постарался изобразить улыбку уголками губ. Получилось не очень.

– Пить хочешь?

Игорь Матвеевич моргнул еще раз. Сознание и силы возвращались, вместе с ними вернулась горечь сожаления от незавершенного.

Мысли его унеслись к событиям многолетней давности.

Игорь Матвеевич зашел в просторную приемную офиса компании ООО «Аррост», расположенного в новом здании в центре города Тольятти. Приемная представляла собой квадратную комнату со стенами бледно-зеленого цвета, справа и слева виднелись двери с золочеными табличками: «Генеральный директор Лев Самойлович Вяземский», «Финансовый директор Лещина Ирина Гавриловна».

За высокой стойкой из белого дерева сидела секретарша с надменным видом и явным избытком косметики на лице. Искоса взглянув на посетителя, она продолжила смотреть в экран ноутбука.

– Добрый день. Мы со Львом Самойловичем договаривались к трем часам, – сказал посетитель, не решаясь шагнуть дальше от двери.

Секретарша подняла глаза на посетителя, потом повела взглядом на часы, висевшие с той стороны, где была дверь с табличкой «Генеральный директор Лев Самойлович Вяземский», и всем своим надменным видом дала понять, что 14.45 – это слишком рано, чтобы беспокоить генерального с

докладом о прибытии посетителя.

В этот момент за спиной посетителя появился невысокий человек лет пятидесяти с маленькими круглыми глазами и облысевшей головой. Лишний вес не мешал ему двигаться быстро и энергично. Это был заместитель генерального директора по производственной деятельности Шамиль Викторович.

Обойдя заслонявшего дверь Хамутова, он небрежно обратился к секретарше:

– Шеф у себя? – и с присущей ему энергичностью обернулся, посмотрел на посетителя. С радостью протягивая руку, воскликнул:

– О, Игорь Матвеевич, очень рад!

Посетитель почувствовал себя спасенным, воодушевленно подхватил протянутую руку Шамиля Викторовича двумя руками.

Еще раз повернувшись, Шамиль Викторович остановил вопрошающий взгляд на секретарше. Воплощение надменности смиренно кивнуло, и Шамиль Викторович со словами «Разрешите войти?», произнесенными больше для формальности, нежели для получения согласия хозяина кабинета, спрятался за дверью с золоченой табличкой, не забыв подхватить при этом под руку Игоря Матвеевича.

Хозяин кабинета был рад видеть Хамутова. Он встал из-за стола и пожал Игорю Матвеевичу его большую руку. Это уже была не первая их встреча, но первая в кабинете Льва

Самойловича.

– Игорь Матвеевич, прошу, присаживайтесь, – сказал хозяин кабинета указывая на стул, обитый тканью оливкового цвета.

На столе генерального директора было не так много документов, на краю стола стоял поднос с чашкой из-под выпитого кофе и фантиками от шоколада, ближе к центру стола лежала папка то ли зеленого, то ли такого же оливкового цвета, как и обивка стульев, с надписью «На подпись».

– Вы один? Без юриста? – спросил генеральный.

– Один.

– Договор Вы уже читали, мы там немного изменили. Будете советоваться со своим юристом или?.. Хотелось бы быстрее подписать и перевести Вам деньги.

– Нет, я готов подписать, – добродушно улыбнулся Хамутов.

Генеральный протянул ему ручку и папку с договором, где стикерами желтого цвета были отмечены места для подписи.

Хамутов взял ручку, остановился взглядом на секунду на разделе «Цена договора и порядок расчетов», где жирным шрифтом была написана цена договора, подумал, что раздел намного больше, чем в предыдущем варианте договора, и начал подписывать договор во всех местах, где были наклеены стикеры.

Когда все было подписано, Вяземский нажал кнопку на телефонном аппарате и произнес: «Зайди».

Дверь открылась, в кабинет вошла секретарша, которую Хамутов сейчас мог разглядеть целиком. Было очевидно, что генеральный при отборе сотрудницы предъявлял требования не только к профессиональным навыкам. Девушка была ростом не меньше, чем метр семьдесят и весом не больше 50 кг. Красные туфли на высокой шпильке делали ее еще стройнее и выше и хорошо сочетались с красной блузкой, вырез которой был глубже, чем это принято для делового стиля.

– Чай, кофе? – генеральный остановил вопрошающий взгляд на Шамиле Викторовиче, потом перевел его на Хамутова. Оба сделали отрицательный жест головами.

– Кофе мне, – сухим голосом произнес генеральный, не глядя в сторону секретарши, – и принеси файл.

С холодным видом секретарша прошла к столу, чтобы забрать поднос, обронила один фантик. Хамутов неуклюже нагнулся за фантиком, шумно отодвигая свой стул, и поднимая голову, чуть не сбил весь поднос и чашку из дорогого фарфора.

Очередной раз виновато улыбнувшись, Хамутов поспешил попрощаться и пошел к двери.

– А договор?.. – нажав кнопку телефонного аппарата сухим и жестким голосом Вяземский произнес, – где файл?

Секретарша вернулась с новеньким файлом, Вяземский упаковал экземпляр договора и протянул его Хамутову. Еще раз пожав руки Вяземскому и Шамилю Викторовичу, Хамутов на этот раз окончательно удалился из кабинета.

Следующие несколько лет после той сделки прошли в приятных заботах: строительство дома, работа над новыми изобретениями. Весь поглощенный делами, Хамутов не обращал внимания на поступающие на почту требования, уведомления, поручив их разрешение юристу, ничуть не сомневаясь, что все будет улажено, поскольку юрист был нанят по рекомендации и за солидный гонорар.

Дом, о котором мечтали Хамутов с женой многие годы, получился хоть и большой, но не вычурный, а уютный и удобный с применением инженерных идей самого Хамутова. Хамутов не мог налюбоваться и нарадоваться. И дом, и двор, и сад – все было сделано с большой любовью и с безупречным вкусом.

Любимым местом Игоря Матвеевича была беседка, где красовались выложенные из красного кирпича печка, мангал. К беседке от задней двери дома сквозь аккуратно подстриженный газон вела дорожка. Хамутов или Шамиль Викторович, с которым они стали приятелями, нередко готовили на углях то шашлык, то рыбу. Да и вообще посиделки летними вечерами в кругу друзей и знакомых были частыми, заканчивались глубоко за полночь.

Профессионалом в готовке был, конечно же, Шамиль Викторович. Он мог создать кулинарный шедевр даже из скромного набора продуктов, но этого не требовалось, поскольку необходимые продукты покупались на рынке наисвежайшие и самые разнообразные.

Как принято вспомнить то время. Аромат мяса сначала тонкой струйкой поднимался над мангалом и потом разносился дальше во все стороны, уносимый легким летним ветром. Свежие овощи волшебной палитрой необузданного воображения художника пестрили на широком подносе ручной работы, привезенном кем-то из знакомых из Самарканда в качестве подарка.

Дымящийся шашлык уступал место на мангале овощам. Помидоры, лук, баклажаны, нанизанные на шампур, отправлялись запекаться и очень быстро покрывались темной коркой, корка местами лопалась, изливая сок на угли и добавляя новые нотки к непередаваемому аромату жареного мяса, который уже успел разнестись на десятки метров вокруг.

Игорь Матвеевич, который читал не только техническую литературу, но и художественную, любил цитировать детям и придерживался сам совета, данного Полонием из Шекспировского «Гамлета»: «Шей платье по возможности дороже, но без затей – богато, но не броско». Этому девиза он придерживался не только в одежде, но и в быту. Поэтому хотя дубовый массивный стол беседки накрывался без скатерти, по-дачному, но на столе всегда стояли тарелки и столовые приборы внешне не броские, но дорогие.

Игорь Матвеевич, Шамиль Викторович, Расхаров – юрист, который редко попускал посиделки с вином и шашлыком, как обычно обсуждали за столом беседки вопросы насущные и не очень.

– Послушай меня, – в сотый раз за вечер произнес любимую фразу Расхаров. – Я лично был у начальника налоговой, не переживай.

– Так ведь уже в районный суд подали... – пытался закончить свою мысль Игорь Матвеевич.

– Послушай меня, они не имеют права. Потом обжалуем, все отобьем, – Расхаров так и не дал возможность объяснить Игорю Матвеевичу свои тревоги и их причину.

Расрахов был тщедушный, невысокий, седой юрист уже под семьдесят лет. Носил очки в тонкой оправе, походившие на пенсне. Некогда преподавал в институте и имел степень кандидата юридических наук. Его говорливость была обусловлена не столько его познаниями, сколько начавшимся рано маразмом. Его невозможно было остановить, ему невозможно было что-то объяснить, когда уже он сложил в голове по какому-либо обстоятельству определенное мнение. Вот и сейчас, отказываясь выслушать своего доверителя, он не хотел разрушать сложившийся в данном юридическом вопросе пазл, поскольку любое новое обстоятельство потребовало бы перемещения элементов пазла и длительной кропотливой работы. Расрахов был уже и ленив, и туповат, его мозг оживлялся только тогда, когда вопрос касался его личных финансов.

Шамиль Викторович, который недолюбливал Расрахова, но никогда не высказывал неприязнь открыто, не зная, как совладать с накипающим гневом, который пробуждал в нем

нудный Расрахов, встал и, подойдя к печке, длинной кочергой подтолкнул поленья. Обгоревшие поленья заискрились и затрещали. Расрахов чувствовал, что Шамиль Викторович терпит его только из-за Хамутова. Вот и сейчас, на интуитивном уровне старого лиса, правильно расшифровав поведение Шамиля Викторовича, Расрахов заискивающе улыбнулся и поспешил домой.

– Зачем ты его держишь? Ведь у твоей жены подруга вот такой юрист, – сказал Шамиль Викторович, подняв большой палец правой руки.

– Нет, не хочу вмешивать сюда жену. Это дела мужские.

– Ну, тебе решать. Расскажи, наконец, чем закончился разговор в налоговой?

– Да, там рассказывать особо нечего. Ходил в отдел по урегулированию задолженности, говорил с начальницей и ее замом. Они же тоже простые служащие. Говорят, что налог я должен был сам заплатить. Хотя в нашем договоре с Вяземским было же написано, что это «Аррост» заплатит.

– Да, да. Ты же знаешь, я ушел от Вяземского в том числе и потому, что не мог мириться с его методами.

– В общем, они говорят, что больше десяти миллионов я должен заплатить по налогам. А они ведь уже сколько взыскали. Не понимаю я... Говорят пени насчитали, штрафы.

Хамутов потормошил кочергой догорающие угли, подумал, что эти угли очень похожи на него: уже не красные и опаляющие, а побелевшие, как седина на волосах. Не искрят

совсем даже от постукиваний по ним кочергой.

– Заместитель у этой начальницы, Елена, говорит, что на банкротство мое будут подавать. Я одного не пойму, раз они видели мои доходы, почему же сразу мне не сказали, что заплатить надо. А спохватились, когда уже чуть ли не три года прошло. Когда все уже было потрачено. Неужели бы я не заплатил, будь у меня эти деньги.

Елена говорила правду, банкротство было неизбежно. Через некоторое время налоговая подала заявление о банкротстве Хамутова. Заявление было судом было принято, рассмотрено и введена процедура реструктуризации долгов.

И московский товарищ, у которого Хамутов занимал для своего нового проекта, отсудивший с процентами в пять раз больше, чем брал Хамутов, и Расхаров, который по договору на юридические услуги взыскал через суд с Хамутова не один миллион, уже включились в реестр требований кредиторов.

Финансовым управляющим Хамутова был назначен молодой арбитражный управляющий Марабуев Михаил Максимович, имевший немногим более года профессионального стажа.

Марабуеву было меньше тридцати, он уже нажил троих детей, отрастил козлиную бородку и живот. Хотя он был высоким, но стройным его нельзя было назвать. Голова на тонкой шее, как у грифа, выдавалась вперед, ходил он несколько сторбившись, узкие сутулые плечи придавали всей фигуре расхлябанный вид.

За сравнительно недолгую жизнь Марабуев испробовал чуть ли не половину из четырехсот сравнительно честных способов отъема денег у граждан из списка Остапа Бендера. Не будучи бизнесменом и не имея даже к тому времени даже высшего образования, ездил в группе бизнес-тренеров и проводил семинары, за вознаграждение сводил постояльцев гостиницы с девушками, брал кредиты, не отдавал, накопил долги.

От заработанных им денег всегда исходил запах гниющей плоти. Но подобно Веспасиану он не чувствовал смрада от зарабатываемых им денег.

Покончив с бизнес-семинарами, он начал покупать на торгах заложенное имущество и выселял из жилья семьи с детьми. Но навар от всего этого был не большой, судебные тяжбы и выселения длились долго. Тогда Марабуев нащупал для себя еще один вид заработка, который, как и предыдущие занятия, больше напоминал снятие одежды и золотых зубов с погибших на поле брани.

Речь шла о заработке на банкротстве граждан. Можно было бы просто оказывать юридические услуги банкротам, но Марабуев знал, что для того, чтобы обеспечить результат, не переживая о качестве оказываемых услуг, надо контролировать процесс. Этот контроль обеспечивал статус арбитражного управляющего. Арбитражный управляющий был царь и Бог при банкротстве граждан. Понаблюдав за тем, что происходит на рынке, Марабуев получил статус арбитражного

управляющего и открыл юридическую фирму на маму.

Денег у Марабуева было немного, поэтому пришлось снять небольшой офис в обветшалом здании, купить пару старых ноутбуков и принтер.

Теперь при хорошей рекламе все должно было идти по плану.

Потенциальные клиенты были не привередливы к условиям, в которых их принимали юристы. Обросшие кредитами граждане приходили на консультацию, там их убеждали в необходимости заключить договор именно с ними, так как есть свой арбитражный управляющий, который сделает, как надо и в рамках закона: а закон он, как известно, что дышло, куда повернул – туда и вышло. Нужно сказать, что этот рынок так и строился, и Марабуев был не единственным, кто имел статус арбитражного и параллельно оказывал юридические услуги гражданам, чьи процедуры банкротства он вел.

Но как ловелас, добивающейся близости от наивной девицы, ухаживания и хорошее общение с клиентами длились ровно до того момента, пока не достигалось желаемое. Добившись же заключения договора на сопровождение процедуры банкротства, вежливость и учтивость улетучивались, и клиенты неделями не могли дозвониться в контору.

Банкротов Марабуеву было не жалко. Все они были сами виноваты в сложившейся ситуации. Их можно было разделить на несколько категорий.

Одни были жертвами самонадеянности: набирали креди-

тов на машину, на квартиру, под залог того же имущества, на которое брался кредит, а потом теряли источник доходов, а вместе с ним и имущество, которое продавалось для покрытия долга. И зачастую люди, которым оставалось выплатить триста тысяч тысяч из трех миллионов, теряли все, потому что начислялись пени, штрафы и все деньги от реализации заложенного имущества уходили кредиторам, на покрытие расходов на проведение процедуры банкротства.

Другие брали кредиты на смартфоны, телевизоры, летний отдых в Турции, совершенно не оценивая свои возможности, и очень быстро обнаруживалось, что размер ежемесячного дохода не покрывает размеры ежемесячных выплат по всем этим кредитам. При их банкротстве и продавать было ничего. Кроме треснутого айфона последней модели и трех зубов с кариесом, у них зачастую даже прописка была на деревне у дедушки.

Третьи брали кредиты для родственников. Они имели хоть и небольшой, но стабильный доход, банки таким людям доверяли, и, поддавшись на уговоры родни, которые обещали выплачивать все своевременно, наивные и благородные, они подписывали кредитные договоры на миллионы рублей. А дальше у родственников что-то шло не по плану, они переставали оплачивать кредиты. И как же прав был Макиавелли, говоря, что люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества: прощайте именины, свадьбы – ближайшие родственники на долгие годы, если не навсегда, становились

врагами.

Четвертые в прошлом успешно вели бизнес, нажили определенное количество имущества, заметив ухудшение ситуации, переписывали имущество на родню, но не всегда успевали это сделать вовремя, и, какой-либо кредитор подавал на банкротство должника раньше, чем проходил установленный законом период, когда перевод имущества на родню нельзя было бы оспорить, и должник лишался не только покая, но и имущества.

Конечно же, были исключения из этой классификации. Таким исключением был и Хамутов. Хамутов был так непохож на остальных.

И вот такого Хамутова, умного и благородного, но по-детски наивно верящего в человеческую порядочность, судьба столкнула с Марабуевым.

Хамутов большую часть времени проводил в Москве, в город Н., где был офис Марабуева, приезжал редко, и пока встретиться с ним Марабуев не мог, хотя и систематически названивал.

Марабуев, направив запросы во все органы и получив ответы, узнал, что у Хамутова есть автомобиль BMW X5, который хоть и не новенький, но при реализации потянет на миллион, два земельных участка, дом в несколько сотен квадратных метров.

Конечно, это слегка разочаровало Марабуева. Продавать особо было нечего. Да и пока продавать было рано.

Чтобы читатель понимал почему сейчас продавать рано и смысл дальнейших действий Марабуева, думается, нужно рассказать немного о том, как вообще происходит процедура банкротства граждан. Конечно же, это будет не подробная лекция, а небольшая экскурсия по кулуарам банкротного бизнеса.

Итак, некий человек, имея долги, не важно, перед банком или соседом, определенное время не может с ними расплатиться. Этот человек может сам обратиться с заявлением о своем банкротстве или же это могут сделать его кредиторы.

Банкротство не может проходить само собой, нужен кто-то, кто бы всем этим процессом управлял, и этим человеком является арбитражный управляющий. Как записано в специальном законе о банкротстве, арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве.

Но нетрудно догадаться, что арбитражный управляющий, будучи простым смертным, имеющим природную тягу к действию в первую очередь в своих интересах, а уж потом в интересах других, будет делать все возможное, дабы извлечь максимальную выгоду от попавшей в силки жертвы.

Почему же арбитражный управляющий не просто управляет процедурой банкротства, а еще и организывает юридический бизнес по сопровождению банкротства, спросите вы. А потому, что за всю эту работу финансовому управ-

ляющему полагается вознаграждение в двадцать пять тысяч рублей. А работы там, будем откровенны, достаточно много, чтобы финансовые управляющие могли бы довольствоваться только этим вознаграждением.

Еще, если повезет, и у должника будет имущество, его можно будет продать и получить проценты. Соответственно желание найти и продать как можно больше имущества должника прямо пропорциональна желанию финансового управляющего разбогатеть.

Но до того, как приступить к реализации имущества, зачастую вводится процедура реструктуризации долгов гражданина. Тут финансовый управляющий бессилён. Он скорее наблюдатель. Если суд установит, что у должника есть доходы и разумно их распределяя в течение двух-трех лет должник закроет все долги, то вводится именно эта процедура. И именно эта процедура была изначально введена в отношении Хамутова.

Хамутов был пенсионер, поэтому введение реструктуризации долгов было формальностью. И вот в один из летних жарких дней, когда в отношении Хамутова уже была введена процедура реализации имущества, Хамутов приехал в город Н., и состоялась его первая встреча с Марабueвым.

Высокий и красивый, в белом костюме из льна, в белой легкой шляпе, Хамутов казался роскошной древнейшей китайской вазой, случайно попавшей в дом людей, не знающих ее истинной ценности и могущих по невежеству и небреж-

ности разбить ее в любую секунду.

Офис Марабуева был не то, чтобы бедный, а скорее безвкусный и неопрятный. Документы, исписанные листочки небрежно лежали на большом запыленном столе. В тех местах, где время от времени сидели люди, пыль была протерта и виднелись жирные следы. На полу стояли пустые коробки из-под бумаги. На выгоревшем и грязном подоконнике, где уже на слое пыли можно было организовать грядку с укропом, стояло несколько невымытых чашек.

Хамутов после традиционного рукопожатия, полагаясь при встрече, присел на предложенное ему место, не подавая вида, что его несколько беспокоит судьба его белого костюма среди всей этой пыли. Марабуев чувствовал себя маленьким рядом с Хамутовым. Хамутов превосходил его не по росту, хотя, возможно, по росту тоже. Хамутов превосходил его по душевным качествам, по интеллекту. В этом Марабуев окончательно убедился, услышав рассказ о Хамутове из первых уст.

– Долгое время я работал на заводе инженером, – неспешно рассказывал Хамутов. – Это был полезный опыт, мои изобретения использовались для совершенствования производства. Потом я ушел с завода и получил патенты на несколько изобретений, один патент мне удалось даже удачно продать. Хотя... там тоже уж, обещали одну сумму, не доплатили. Этим должен был заниматься Расхаров, мой юрист, но так и не довел дело до конца, сейчас и не взыщешь, сроки

прошли. А Расхаров сам отсудил у меня за свои услуги не один миллион... Ну, продал я им патент, потом еще учил их инженеров, как все это внедрять. В договоре было написано, что все налоги они заплатят сами. Да и я, дурак, поверил. И Расхарову этому доверился. Расхаров малый добрый, так долго вел дела мои. Дома у меня бывал,.. – Хамутов почувствовал себя виноватым, что постороннему человеку рассказал о Расхарове, и стал перебирать край белой шляпы.

Хамутов был поглощен своими мыслями. Что из себя представляет Расхаров, Марабуев уже успел узнать. За последние полгода он бывал в офисе Марабуева не меньше десяти раз.

– Ну и приходили ко мне требования из налоговой, то заплати, это заплати. Расхаров занимался этим. Он юрист. Я кто? Я инженер, технарь. Вызвали они меня к себе в налоговую. Я там к окошечку подошел в налоговой, спросить, как пройти в отдел-то по долгам моим, а там рядом девушка стоит, плачет. Ну, в общем, детей трое, одна воспитывает. А тут налоги какие-то не заплатила, накопились, уже больше ста тысяч, да и еще ползарплаты приставы удерживают. Я говорю: «Да что же это, ну пусть с меня ее долг удержат». Вот такая несправедливость. Хотя тогда ведь и помочь ей ничем не мог, уж сам в долгах. А душа болела долго... Объяснили мне в налоговой, что сам я виноват. Да деваться некуда. Деньги я потратил от продажи. То дом строил. Сыну квартиру купили, да потом ее и продать пришлось, это еще до

банкротства... Ну, ты знаешь, патенты я могу продать. Пару месяцев. Я закрою долги. Я нашел уже покупателя на один патент, только они сами сейчас ждут инвестирования. Вот как только им деньги поступят, сразу договор подписываем, и мне заплатят...

– А что, Ваши патенты так дорого стоят? – в голове Марабуева включился калькулятор.

– Ну, как дорого. Вместе со мной они дорого, без меня ничего. Им уже почти по десять лет. За то время кто-то что-то похожее тоже изобрел. Но не каждый же может внедрить это, организовать производство.

Калькулятор в голове Марабуева выключился, не успев даже посчитать, сколько будет дважды два.

– Вы знаете, если найдете миллионов десять, можно будет попробовать предложить Вашим кредиторам заключить мировое соглашение. Я уже разговаривал и с Расхаровым, и с Тупиковым (Тупиков был московским приятелем Хамутова, некогда занявшим ему деньги и осудившим в пять раз больше)... Налоговая пока не соглашается, но я веду переговоры. Но в мировом соглашении должно быть заложено и мое вознаграждение, тем более что столько всего по Вам сделано, – Марабуев хотел подчеркнуть значимость своей фигуры в этом деле.

– Конечно, – поспешил согласиться Хамутов. – Конечно. Хамутова утомляли всякие споры о деньгах, он не мог понять, почему он не может просто изобретать и внедрять, при-

носить свою толику пользы в техническое развитие общества. А те, кому положено считать деньги – считать. Он доверял своим партнерам и подписывал документы не читая. Ему казалось, что человек, который только что глядя в глаза, говорил, что все будет хорошо, не мог обмануть. Да и обманывали его сто раз, и друзья подводили. Но и в сто первый раз он подписывал все не читая.

Хамутов очень надеялся, что обойдется без продажи машины, которую так любила его жена. А самое главное без продажи земельного участка. Ведь так получилось, что дом стоял на двух участках. И он был готов занять еще у кого-то, только чтобы не начали продавать.

Хотя десять миллионов Хамутов и нашел, и Марабуев получил свои пятьсот тысяч, Марабуев так и не сумел договориться с налоговой о мировом соглашении, и все десять миллионов, которые Хамутов положил на свой расчетный счет, были распределены между кредиторами.

И опять речь шла о продаже машины, земли, а продажа земли, на котором частично стоял любимый дом, повлекла бы в дальнейшем и продажу дома.

ФАЛАЛЕЕВ

У Марабуева были приятели из разных сфер. При их выборе он руководствовался выгодой. Были те, кто что-то создавал, и делал это Марабуеву за бесценок, а были те, кто ничего не создавал, но при этом имели приличное количество денег, готовые вложиться в «проекты» Марабуева, не заботясь о моральной чистоте сделки. Одни из таких был Фалалеев.

Фалалеев зашел в бар отеля, где подрабатывал Марабуев, в один из мартовских вечеров. Постояльцем отеля он не был, поэтому зашел в дверь со стороны улицы и прошел вглубь. Небрежно оперевшись на барную стойку, Фалалеев оглядел маленькое затемненное помещение. Посетителей было немного. В одном из дальних углов сидел очкарик со смартфоном в одной руке и пил латте. По мнению Фалалеева, все подобные парни были гомосексуалистами и ничего, кроме презрения не заслуживали. Фалалеев подумал, что неплохо было бы втащить ему, тело Фалалеева сделало легкое движение вперед, поскольку мысленно он все-таки втащил парню.

Фалалеев перевел взгляд на двух девушек, сидящих за столиком побольше. Несмотря на вечернее время, косметики на лице девушек не было. Одна была длинноволосая, в серой толстовке, джинсах и огромных кроссовках, вторая с

короткой стрижкой, в очках и клетчатой рубашке и в несуразных грубых ботинках.

Было понятно: что «гомосексуал» и эти серые мышки, грызущие свои гренки, жили в отеле и забежали в бар перекусить и попить кофе.

Марабуев был наслышан, что в этом баре можно было познакомиться с девушками, но зашел впервые и жриц любви на горизонте не созерцал.

Со стороны отеля в бар зашел долговязый и сутулый парень и подошел к барной стойке. Он перекинулся парой фраз с барменом. Фалалеев понял, что парень работает в отеле. Этот долговязый был не кто иной, как Марабуев.

Не без ноток брезгливости, которое обычно проявляют к обслуживающему персоналу люди, обладающие маломальскими деньгами, но не обладающие воспитанием и тактом, Фалалеев кинул в сторону Марабуева:

– Слышь, пацан, работаешь здесь?

Марабуев знал, что вопрос обращен к нему. Более того, он специально зашел, чтобы разведать намерения Фалалеева. Девушки, знакомства с которыми жаждал Фалалеев, сидели в холле гостиницы, откуда проглядывалась освещенная барная стойка. Именно они отправили Марабуева к бармену якобы по какому-то делу.

– Вы мне? – спросил Марабуев с видом человека, готового выполнить любой приказ.

– Тебе. Местный что ли?

– Да.

– А что тут всегда скучно?

– По-разному бывает.

– Пока тухляк какой-то. Знаешь способы, как оживить вечер?

– Могу помочь. Там девушки в холле гостиницы интересовались Вами.

– Так пойди, скажи им, что я тоже не прочь поинтересоваться ими.

Вот с этой зашифрованной простым кодом беседы завязались деловые отношения между ними.

Фалалеев в прошлом был профессиональным боксером, имел пенсию и пару-тройку источников дохода, приобретенных им законно и не очень во времена спортивного прошлого. В основном он скучал. Жена, хотя в молодости была и яркая, сейчас постарела и была больше партнером по бизнесу. Большинство дел вела она. Фалалеев же развлекал себя то общением с доступными за его деньги девушками, то ночными гулянками в ресторанах, зачастую заканчивающимися мордобоем, таким образом успокаивая бурлящую энергию почти двухметрового тела.

Душа его не терзалась мыслями морально или аморально то, что он делает. Фалалеев относился к плеяде людей, которые считали, что жизнь дается один раз, и прожить ее надо, получив максимальное количество удовольствия, причем удовольствия были плотскими. Он не любил ходить в театры

и даже на концерты, не читал книг, хотя в молодости увлекался чтением биографий преступных авторитетов, но после тридцати забросил и это.

Фалалеев был старше Марабуева лет на двадцать.

Марабуев, который сначала для Фалалеева был мальчиком на побегушках, позже стал источником прибыли. Марабуев занимал у Фалалеева денег для мелких своих делишек и возвращал с процентами. Когда Марабуев занялся банкротством, Фалалеев с его подачи выкупал по выгодной цене долги кредиторов некоторых должников. Для кредитора это было хорошей сделкой, потому что не факт, что у должника нашлось бы что-то из имущества, и его долг опалят. А для Фалалеева это было выгодно тем, что долги он покупал наверняка, поскольку Марабуев предлагал ему выкупить долги именно тех должников, у которых было что взять.

В деле Хамутова просто вознаграждение в виде процентов не устраивало Марабуева. Он понимал, что Хамутов человек мягкий, оспаривать действия не будет, что бы Марабуев не сделал.

Подобно клещу, которому посчастливилось уцепиться за шерсть и пробраться к коже животного в самом безопасном месте, Марабуев был готов прорезать кожу жертвы своими хелицерами и вцепиться надолго.

Чтобы извлечь максимальную выгоду из банкротства Хамутова, Марабуев решил выкупить требования кредиторов. Расхаров был нудный, противный, алчный старикашка, ко-

торый дешево свое требование не продаст. Переговоры с ним были исключены. Налоговая могла уступить свое требование за номинал, что не сулило вообще никакой выгоды.

Поскольку Тупиков был самым крупным кредитором Хамутова, выгоднее всего было выкупить именно его требования к Хамутову. Тупиков, который уже получил из денег Хамутова полностью ту сумму, которую он Хамутову когда-то занимал, с радостью избавился от бремени борьбы за проценты, уступив их по весьма сходной цене. Не трудно догадаться, что долг Хамутова перед Тупиковым, был выкуплен Фалалеевым, и эта сделка тем больше обогащала самого Марабуева, чем больше имущества Хамутова он продаст.

В целом, при всем том, что Марабуев не гнушался грязными методами зарабатывания денег, надо сказать, что он обладал и хорошими чертами. В первую очередь он хорошо относился к своим сотрудникам и на его отношение не могло повлиять даже мнение жены, которая как раз оценивала всех и вся негативно.

Все эти запущенные ситуации с банкротствами были обусловлены большим объемом дел, который имеющиеся сотрудники просто не успевали контролировать. А брать новых сотрудников он не мог, потому что тогда нужно было дополнительно арендовать офис, увеличивать фонд заработной платы.

Бизнес был такой маленький, что несмотря на большой объем рутинной работы, доходы от всего этого были невели-

ки.

Больше всего из клиентов он симпатизировал Хамутову. Иногда он хотел помочь ему, не продавать этот земельный участок, но потом думал, что Хамутов сам попал в эту историю и сам должен справиться. И почему Марабуев должен отказываться от возможной прибыли. Опять-таки зачем старику такой большой дом, продал бы и заплатил все долги.

Бывают такие люди, которые делая другим плохое, не осознают это, искренне думают, что поступают правильно и по совести. Например, был такой человек, которому казалось, что работники у него воруют. Он преследовал их ежедневно, выискивал ошибки в отчетах, подавал на них в суд, не принимал никакие контррасчеты и контраргументы, опровергающие его заблуждения, поскольку всей душой верил в свою правоту.

Особая омерзительность Марабуева заключалась в том, что он знал, что некоторые его поступки противоречат его совести и все равно их совершал.

ТОРГИ

Главной задачей Марабуева было побыстрее продать имущество Хамутова.

Марабуев торопился. Несколько раз в день напоминал он помощнице, что нужно уже утверждать положение о торгах.

Кончено же, Марабуев видел документы на дом, и что он расположен на двух земельных участках. И если уж быть честным с самим с собой, то он прекрасно понимал, что продавать земельный участок он не имеет права. Но Хамутов спорить ни с чем не станет И потом, Хамутов сам виноват. Почему они вышел за границу земельного участка? Почему не объединил? И потом зачем ему такой огромный дом?

Марабуев, опытный человек в махинациях с банкротным имуществом, предложил Хамутову самому выкупить участок и машину через знакомых.

Шамиль Викторович не видел другого способа спасти дом своего друга. Он нанял агента для участия в торгах.

В день торгов в офисе агента за монитором компьютера наблюдали трое: агент, Шамиль Викторович и Хамутов.

Хамутов хоть и нервничал, внешне этого не проявлял, и человеку, не знающего близко Хамутова, могло показаться, что эти торги совсем его не волнуют. Он сидел рядом с агентом на стуле. Шамиль Викторович в отличие от Хамутова всегда проявлял эмоции бурно. Он не мог усидеть на одном

месте и поэтому далеко отодвинул свой стул и периодически вышагивал круги внутри небольшого офиса агента.

В начале торгов договорились, что они готовы торговаться до увеличения начальной цены в четыре раза. Раздобыть большую сумму, если не поступят деньги по договору инвестирования, было сейчас вообще нигде.

Цена росла быстро. Каждые три минуты кто-то поднимал цену. На каждый шаг другого покупателя агент Шамиля Викторовича отвечал следующим шагом. Участников было восемь. Когда цена поднялась в два раза, участников осталось всего трое.

Но те двое других не хотели отступать. Теперь цена уже поднялась в четыре раза. Агент медлил, потому что было оговорено, что больше, чем в четыре раза цену не предлагать.

Хамутов сидел неподвижно и смотрел как будто сквозь монитор. Времени для принятия решения было не много.

– Что делать? Поднимать? – агент обращался к Шамилю Викторовичу.

Если бы Шамиль Викторович знал, что делать. “Была не была”, – думал он. Главное – сейчас не упустить, а потом разберемся.

– Давай, Игорь, до последнего. Не завтра же эти деньги отдавать. Сейчас если кто-то другой купит, непонятно, согласится ли он тебе участок перепродать и по какой цене. А если не продаст?! Что, дом сносить?

Хамутов и сам думал так же. Ведь уже был подписанный договор на продажу патента. И заплатить должны были давно. Не вина его партнеров, их там кто-то подводит. Продолжая верить в порядочность других, он лишь малую толику сомневался в том, что не сможет к сроку раздобыть нужную сумму.

– Давай, до последнего, – махнул рукой Хамутов, как бы отгоняя дурные мысли и одновременно одобряя слова Ша-миля Викторовича.

В результате цена участка поднялась от начальной чуть ли не в десять раз.

По условиям договора купли-продажи деньги надо было отдать в течение месяца.

Хамутов считал, что это не проблема. Он никогда не переставал верить в людей. Договор на покупку патента был уже подписан давно, и как уверяли партнеры, ни сегодня завтра они переведут деньги.

Каждый день Хамутов созванивался с партнерами. Каждый день они убеждали его подождать, а Хамутов в свою очередь убеждал в этом Марабуева.

Но месяц пролетел как-то очень быстро. Хамутов попросил Марабуева не объявлять повторные торги до пятницы, потом до понедельника, а денег все не было.

Марабуев подождал еще недельку после отведенного месяца и объявил повторные торги.

Это был конец. Хамутов был бессилён. Последние деньги

были отданы за участие в торгах и на выкуп машины.

Оплата от партнеров по договору так и не поступила.

ПРОДАНО

После телефонного разговора с Марабуевым, в котором последний сообщил, что объявил повторные торги, Хамутов как-то резко устал: как будто тяжесть всего Земного шара навалилась на его грудь. Он решил прилечь. Хамутов прикрыл глаза и открыв их, очутился на сцене. В зале было полно людей с табличками. Мужчины и женщины, сидящие в зале и держащие свои таблички, были как будто актеры, изображающие девятнадцатый век. Если это театр, тогда почему на сцене он, а не актеры. Он оглядел себя и понял, что стоит в одном нижнем белье. Стало душно, тяжело дышать, какой-то едкий дым окутал Хамутова. Когда дым немного развеялся, он разглядел на сцене высокую стойку из приемной Вяземского и надменную секретаршу. Приглядевшись внимательнее, Хамутов понял, что ошибался. За кафедрой уже из темного лакированного дерева на сцене стоял Марабуев с молоточком в руках. Хамутова как будто никто не видел. Марабуев оживленно говорил что-то неразборчивое, сидящие в зале поднимали таблички. Хотя никто вокруг не замечал его, Хамутову было очень неловко из-за своего полуголого вида. Хамутов хотел уйти со сцены. Но ноги и руки не слушались. Хамутов стоял на краю сцены. Высота была немногим более метра. Он решил спрыгнуть вниз. Ему нужно было просто слегка оттолкнуться ногами. Но ноги были ватные,

он их совсем не чувствовал. Тогда Хамутов придумал просто нагнуться и под тяжестью собственного веса упасть вниз. Наклон... но вместо того, чтобы упасть на жесткий пол, Хамутов куда-то полетел. Все вокруг было белое, на душе было легко, беззаботно. Хамутов начал управлять своим полетом, но куда лететь он не знал, во все стороны от него раскинулось бесконечное белое пространство. Тогда он лег на спину звездочкой, как бывало ложился на море, и отдался воле потока.

– Продано, – молоточек стукнул о кафедру.

Неведомая сила потянула Хамутова вниз, и он резко приземлился на что-то мягкое. Это что-то мягкое оказалось больничной кроватью.

Стены палаты были светло-зеленого цвета и напоминали Хамутову обивку стульев в кабинете Вяземского. Хотя прошло много лет, Хамутов прекрасно помнил этот день, который перевернул его жизнь. Разве можно было предположить, что честно продав свое творение тогда, мечтая осчастливить жену и детей, он приведет свою семью к долговой яме сегодня.

– Хочу, – еле слышно сказал Хамутов, глядя не жену. Язык не слушался.

Он помнил ее вопрос, но не знал, сколько времени уже прошло с тех пор, как она спросила, не хочет ли он пить.

Жена бережно поправила подушки и поднесла к губам

стакан с трубочкой. Прохладная жидкость побежала вниз по горлу, освобождая язык и голосовые связки от сковывающей их словно колючей проволокой сухости.

Хамутов почувствовал безудержную потребность говорить и, несмотря на протесты жены, собирая последние силы начал:

– Дорогая, прости меня, – по щеке Хамутова скатилась слеза. – Прости меня, я так и не смог завершить. Разве я мог предполагать?! всю жизнь я зарабатывал честным трудом..

Еле сдерживая слезы, жена бумажной салфеткой промокнула слезы на щеке Хамутова.

– О чем ты?! О чем ты говоришь сейчас?! Какое это имеет значение?! – ей было обидно от своего бессилия. Бессилия помочь в финансовых проблемах мужа, бессилия вернуть ему утраченное здоровье.

– Я виноват. Я не справился. Ты же останешься без дома. Как я мог быть таким неосмотрительным.

– Ничего, не переживай. Нам и однушки хватит. Ты, главное, выздоравливай. Роберт придет на новый год. Он очень скучает. Вот было бы хорошо, если бы тебя тоже отпустили домой.

– Да, этот двухметровый оболтус никак не женится. Уже давно пора нам внуков нянчить.

Хамутов опять замолчал, представив, как внуки вместо большого дома с газоном во дворе и огромным надувным бассейном с теплой водой, приобретенным дедушкой специ-

ально для них, будут приезжать в однокомнатную квартиру и спать на раскладушках.

– Ты иди домой. Я себя хорошо чувствую. Надо же и тебе отдохнуть, подготовиться к приезду Роберта.

– А ты не обманываешь?

– Честно-пречестно.

– Роберт же еще не завтра приедет. Успею подготовиться. Но мне надо съездить домой. Я сейчас быстро туда и к вечеру вернусь. Я сестрам на посту скажу, чтобы заглядывали.

Жена Хамутова сомневалась, что так уж улучшилось состояние мужа. Но из дома она уехала второпях, не помня, выключила ли свет, газ. Она подумала, что за пару-тройку часов ничего не случится, раз уж муж пришел в себя.

Но изборожденное инфарктом сердце Хамутова знало уже наверняка – больше он не увидит жену. Хамутов внимательно следил, как жена собирается. Он хотел запомнить каждый жест, каждую морщинку, каждую складочку на уголках губ, запомнить и унести с собой.

Жена наклонилась, виновато улыбнувшись, поцеловала его в лоб и тихо прикрыла за собой дверь.